

Читайте романы
Татьяны Алюшиной

Крымский роман
Влюбиться в жертву
Любовь со вкусом вишни
Девушка из нежной стали
Далекий мой, единственный
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Свидание вслепую
Красота по-русски
Девушка-праздник
Дом, где исполняются мечты
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Два шага до любви
Двое на краю света
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Чудо купальской ночи
Больше, чем страсть
Моя нечаянная радость
Тот, кто назначен судьбой
Неправильная невеста
Утоли мои печали
Счастье любит тишину
Коллекция бывших мужей
Белоснежный роман
Сердце просит счастья
Руки моей не отпускай
Формула моей любви
Будьте моей семьей
Созданы друг для друга
Актриса на главную роль
Озерные страсти
Вальс до востребования
Судьба непринятой пройдет
Отсроченный шанс, или Подарок из прошлой жизни
Вынужденное знакомство
Жизнь на общем языке

Татьяна
АЛЮШИНА

Девушка-праздник

МОСКВА
2024

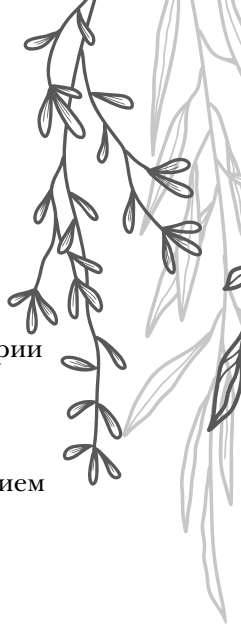
УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Художественное оформление серии

Н. Каштъкиной

Редактор серии *В. Горюнова*

Ранее роман выходил под названием
«На грани счастья»

Алюшина, Татьяна Александровна.

А59 Девушка-праздник : роман / Татьяна Алюшина. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-198046-7

Даша Васнецова бросает стабильную работу в офисе, чтобы поменять ее на беспокойную и полную не всегда приятных сюрпризов долю организатора праздников. И жизнь ее тут же меняется, тем более что судьба, как нарочно, сталкивает девушку с бизнесменом, владельцем крупного агрокомплекса Игорем Власовым. Их тянет друг к другу, однако оба еще не готовы сделать серьезный шаг... До тех самых пор, пока не происходит катастрофа.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-198046-7

© Алюшина Т., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

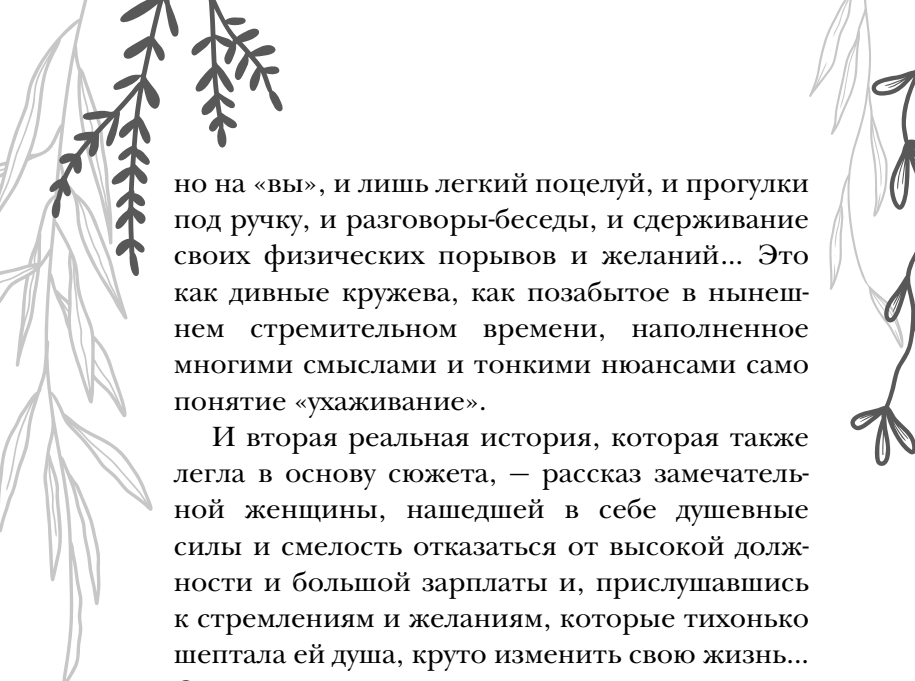
ПРЕДИСЛОВИЕ

Это очень романтическая, красивая и в то же время непростая история.

В основу книги легли судьбы реальных людей. Одна прекрасная пара период ухаживания сумела превратить в очень тонкую и чувственную пору, наполненную подчеркнутым уважением друг к другу и обращением на «вы». Помните, как у Булата Окуджавы?

Зачем мы перешли на «ты»?
За это нам и перепало —
На грош любви и простоты,
А что-то главное пропало.

Вот у них главное не пропало. Оказалось, что это невероятно красиво, когда уважитель-

но на «вы», и лишь легкий поцелуй, и прогулки под ручку, и разговоры-беседы, и сдерживание своих физических порывов и желаний... Это как дивные кружева, как позабытое в нынешнем стремительном времени, наполненное многими смыслами и тонкими нюансами само понятие «ухаживание».

И вторая реальная история, которая также легла в основу сюжета, — рассказ замечательной женщины, нашедшей в себе душевные силы и смелость отказаться от высокой должности и большой зарплаты и, прислушавшись к стремлениям и желаниям, которые тихонько шептала ей душа, круто изменить свою жизнь... Она рискнула, пошла за своим истинным призванием и не только испытала радость творчества и смогла реализоваться, но и обрела женское, семейное счастье.

Я от всего сердца желаю всем моим читателям не бояться романтики, а наоборот стараться наполнять ею обычные будни и обязательно быть счастливыми.

Татьяна Алюшина

— **Н**у нет, дорогая! — заявил Гришка и, ухватив Дарью за руку, выдернул ее с начальственного места. — Раз уж я пропустил все самое интересное, сядешь со мной, učinю тебе допрос с пристрастием!

— И кто виноват, что ты всегда «приходишь, когда разгар событий позади»? — посмеиваясь, процитировала она его же любимую фразу и включила начальницу: — А кстати, почему мы тебя ждали? Ты где задержался-то, конь наш вороной? Не по амурным ли делам?

— Об этом позже! — подражая актеру Буркову из известного фильма наклоном головы, серьезным выражением лица и отсекающим жестом руки, отложил вопрос о причинах своего опоздания Гришка.

И, не выпуская ее руки, двинулся к задним сиденьям автобуса, но был остановлен Эллочкой, ухватившей начальницу за свободную руку.

— Нам тоже интересно! — возмутилась Эллочка и потребовала: — Пусть она здесь сидит и всем рассказывает!

— А я буду громко ее пытаться! — пообещал Гришка, состроив инквизиторскую мину, чмокнул Эллочку в нос, высвобождая из ее цепких лапок «подследственную».

Эллочка поборолась для виду, но сдалась, как и следовало ожидать. Одержав викторию в баталии за эксклюзивное внимание любимой руководительницы, Гришка продолжил целеустремленное движение по проходу, таща Дарью за собой, к месту своей обычной дислокации в автобусе — на последнее двойное сиденье.

Небрежно кинул ноутбук на задний, четырехместный ряд сидений. На аккуратно сложенный, мягкий, — заметьте! — мягкий реквизит, позволявший расчетливую демонстрацию такого небрежения к обожаемому и всячески оберегаемому предмету производства и, собственно, всей жизни. Чуть отгеснив Дарью, Григорий Комаров лихо скакнул на облюбованное место у окна, картинным, нарочитым жестом указав ей на сиденье рядом.

Дарья с сомнением посмотрела на предложенный «пыточный стул», повернулась к салону и с тем же сомнением посмотрела на свою команду.

Народ в последней стадии разбираемого любопытства замер, готовый внимать «чисто-сердечке». Аж повыворачивались все со своих

мест, Ленка с Ирой так вообще встали на сиденьях на колени, высунув любопытные головушки над спинками кресел.

— Ладно, Малюта! — сдалась с театральным вздохом смирения Дарья. — Чини свой допрос, изувер!

Гришка в предчувствии интриги развернулся спиной к окну, дождался, когда Дарья сядет, и с улыбкой кота, интересующегося у пойманной мышки: «Жить хочешь?» — нежненько так спросил:

— Ну что, Дарь Васильна, согрешила?

И Дашка, собравшаяся было подыграть, сценически вздохнула, изобразила покаяние мимикой, подняла головушку и посмотрела не на Гришку, а дальше, поверх его плеча в окно, к которому он привалился спиной.

Вот почему?! Должна же была в глаза парню посмотреть, подыгрывая...

То ли щелкнуло что-то в голове, то ли боковым зрением уловила некое странное, нелогичное движение в этот момент — бог знает!

Она единственная в эти последние четыре секунды смотрела за окно на перекресток, который они проезжали! Остальные глазели на них с Гришкой!

Даже водитель Михалыч, хоть и не сводил взгляда с дороги, внимательно слушал, что происходит в салоне, периодически многозначительно хмыкая и качая головой из стороны в сторону, не отставая от коллектива, — веселился!

А Дашка глядела в окно!

Единственная из всех видела летящую на них смерть!

И что-то случилось в этот момент с ее сознанием, оно словно включило неведомые резервные механизмы, вытворяя невыдуманные штуки... Движение вокруг нее как бы замедлилось, растянувшись во времени, как муха, залипшая в меду, еле барахтающаяся в последней тщетной надежде спастись.

И окружающее пространство стало внезапно ярким, четким до самой миллиметровой детали, как выхваченное мощным прожектором. Находившиеся в автобусе люди, выражение их лиц, детали одежды, даже обивка кресел казались насыщенной, как на проявившейся картинке, и грузовик за окном, несущийся наперерез их автобусу, его цвет, номер и лежащая на руле голова водителя, поблескивающая вспотевшей лысиной в обрамлении коротких седых волос, мотыляющаяся от движения в разные стороны. И пляшущие в солнечном луче пылинки рядом с улыбающимся лицом Гришки...

И только мысли не попали в эту тягучую медовость, проносясь в голове с обычной скоростью, но тоже как-то странно — пучком, по нескольку сразу.

«Мы не успеем!!» — констатировало Дашкино сознание.

И чей-то незнакомый металлический голос, как метроном в ее голове, вдруг начал отсчитывать секунды:

«Раз...»

«Нет, господи, нет!!»

«Два...»

«Я не хочу!!!»

«Три...»

В последний момент отсчитываемого между-секундья Дашка успела рвануть на себя Гришку от стекла, от смерти, летевшей на них, и обхватить его голову рукой!

«Четыре!!!»

Ее и Гришку, которого она неосознанно сильно прижимала к себе, отбросило к правой стороне автобуса, и в дробленные мгновения этого полета Дарья слышала жуткий грохот корезающегося металла, звон бьющегося стекла, крики людей и успела подумать: «Ты ошибся, не судьба!»

И почувствовала чудовищную, какую-то нечеловеческую боль сразу в нескольких местах тела, сопровождаемую колокольным звоном в голове от удара. И провалилась в темноту.

— Дашка!!!

Откуда-то сбоку продирался, прорывался в темноту, где она находилась, чей-то голос.

Он был здесь инородным, отвергаемым самой сущностью черноты, но, разрывая в клочья от самой границы тьму-тьмущую, настаивал:

— Даша!!!

... И-и-и-и — хлоп! Включилось сознание.

«Да, да. Я здесь», — мысленно ответила она этому зовущему голосу.

И попыталась открыть глаза.

И следом за вернувшимся сознанием ее догнали шаставшие где-то до сих пор ощущения, чувства, жизнь.

И запах! И вкус!

Она почему-то никак не могла разлепить веки, что-то теплое, вязкое мешало им открыться, это первое, что ощутила Дашка, а следом хлынули всем скопом, как из прорвавшейся трубы, иные чувства.

Запах, такой странный, перенасыщенный. И металлический вкус во рту. И что-то теплое, тягучее текло ей на лицо.

Дашка сильно зажмурилась и попыталась открыть глаза еще раз, получилась лишь слабая щелочка света, она повторила несколько раз «жмурки» и с четвертой попытки смогла-таки разлепить веки... и ни черта не увидела, кроме ярко-алого фона перед глазами.

Дашка интуитивно потянулась протереть глаза, но такое, казалось бы, простецкое движение не получилось — руку чем-то сильно придавило. Дарья попробовала другой, левой рукой — эта шевелилась, хоть по ощущениям тоже была прижата.

Тогда она попыталась пошевелиться. И обнаружила ужасное: двигаться она не могла!

Вернее, не совсем так глобально: тело-то шевельнулось совсем немного, но это отозвалось такой чудовищной и разнообразной болью в нем!

Болью ужасной во всех частях этого самого тела!

Господи боже мой! Зачем она только отозвалась на тот голос и выбралась из темноты?!

Боль!!!

Колющая, режущая, разрывающая, жгучая, сильнейшая! Везде!

Но и это, как ни замедлило выясниться, оказалось не самым страшным!

Она не могла дышать!

Придавленная чем-то тяжелейшим, неподвижным сверху и черт-те чем еще с боков, Дашка не могла вдохнуть!

Безумная, жуткая паника накрыла ее, как утопила, с головой утягивая в безвозвратный омут! И она погружалась в нее, трясясь всем нутром от животного ужаса, судорожно распахиная рот и пытаясь, пытаясь, пытаясь вдохнуть!!

Ей хотелось кричать, орать надсадно! Выть по-звериному, животное, призывая жизнь!!! Разорвать горло и легкие криком и пробиться, пробиться к вдоху — к воздуху, пусть к боли, но к жизни!!

— Даша!!!

Краем затухающего сознания она снова услышала этот голос, очень знакомый, самый важный, единственно нужный и правильный сейчас голос...

И паника с ее напарником — безумием, уже почти пожравшие Дарью, отпустили, отступая перед силой, властностью и мощью этого зовущего ее голоса.

«Я сейчас, сейчас!» — подумала она, как пообещала кому-то.

И волевым усилием мысленно ухватила себя за горло, заставляя прекратить суетные, бесполезные попытки вдохнуть, ослабляя, изгоняя убийственный панический ужас из себя, вспомнив, как учил ее папа:

«Если подавилась или у тебя перехватило горло так, что не можешь вдохнуть, сразу — запомни, это самое важное: — сразу! — прекрати делать попытки вдохнуть и пугаться перестань! И очень осторожно, потихоньку втягивай воздух через нос!»

Очень осторожно, через нос она попробовала втянуть воздух...

И закашлялась, втянув вместо воздуха в горло вязкую горчице-соленую массу с железным привкусом! И почувствовала такую обжигающую, непереносимую боль в легких, что на мгновение перед глазами поплыли темные круги в ярких салютных вспышках!

«Спокойно!!! — успела прикрикнуть на себя Дарья, пресекая вторую волну паники. — Еще раз!!»

Еще раз! Очень осторожно!

Так! Перестали дергаться. Остановились. Втягиваем воздух через нос. Осторожно!!

И получилось! Тоненькой струйкой воздуху удалось пробраться в легкие!

Еще раз — остановились, не дышим, вдыхаем! Еще раз! Вот так, вот так!

«Разлепи глаза, что ты зажмурилась!» — командовала она.

Разлепила – алая, яркая пелена!

Дарья принялась осторожно высвобождать левую руку.

Господи, как же ужасно больно! Везде! От любого сантиметрового движения, от осторожного вдоха – больно!

«Давай, давай, Дашенька, ты справишься!» – как могла, подбадривала она себя.

Вытащила! Протерла глаза и посмотрела – красное!

Стоп! Красное – это у нее на пальцах, но пальцы-то она видит!

И вот тут-то случился самый полный финал! Оказалось, что до этого момента был еще «марципанчик», почти белая полоса! И – бац! – она осознала и вспомнила все и в один миг! Сразу!!!

«А вот это провал, Штирлиц!» – почему-то подумалось ей. Странно, но что-то близкое к истине.

И именно в этот момент на Дашу со всей отчетливостью обрушилась реальность, и она услышала стоны, чье-то безудержное рыдание, какую-то суету и крики, голоса там дальше за стонами и плачем и наконец поняла, что чувствует перенасыщенный тошнотворный резкий запах крови.

И вкус крови...

Протерев глаза еще раз, Даша смогла сфокусировать зрение и разглядеть, что на ней лежит человек, придавивший ее всей своей массой. А поверх него, погребя их под собой, навале-

но что-то непонятное, и через это непонятное пробивается приглушенный свет разных ярких оттенков. И человек лежит странно — его голова упирается ей в правое плечо, а из его шеи в верхнюю губу Дашки струей, порциями в ритме бьющегося сердца хлещет кровь.

Не успев ничего сообразить, она протянула руку и сильно, тремя пальцами, надавила на рану, остановив этот «гейзер», и только потом поняла, что где-то слышала или видела по телевизору, что именно так и надо делать.

Зачем? Да какая разница сейчас — надо и надо! Главное — сильно давить и не давать крови вытекать. Кто лежит на ней, Дарья так и не поняла в те первые минуты осознания происходящего.

— Даша!!! — Совсем рядом проорал тот же голос, знакомый, родной, но так ею и не опознанный до сих пор, и она рванулась ответить, позвать, сказать, что она здесь, здесь...

И кровь, которой был полон ее рот, перекрыв горло, протекла в желудок. И Дашка поняла одновременно два факта: первое — что ее сейчас вырвет, и второе — что она задохнется от этого!

Совсем! Окончательно!

И ей показалось, что у нее завыло сердце, как-то по-волчьи, безысходно завыло, прощаясь, что ли, отчаиваясь окончательно.

«Нет! Нет! Нет!» — просила и уговаривала она себя.

Ей нельзя умирать! Она не хочет, не может, не будет умирать!

Из глаз потекли бессильные и злые слезы смирения перед поражением, перед последним пониманием конца!

Все!! И ничего уже не сделать! Не можешь, не получится!! Уже совсем все!

«Плакать нельзя!» — вяло подумала Дашка, почти уже сдавшись, отступая перед более сильной «дамой с косой», побеждающей в этом поединке...

Почти...

— Даша!!!

Взорвался в мозгу, пробился через это ее последнее смертельное смирение сильный, требовательный голос.

«Власов!!» — поняла наконец она уже мутнеющим сознанием.

И на вот такой малю-ю-юсенькой, ничтожной грани небытия она предприняла еще одну, самую последнюю и самую сильную, попытку жить.

«Власов!!» — рванула она к нему всем живым, что оставалось еще в ней.

«Так, Васнецова!! Мать твою!! Собралась!! Подыхать в другой раз будешь! Сопли тут выпустила! Какого хрена! Так!! Плакать нельзя! Блевать тоже нельзя! Давай дыши!! Медленно! Но со вкусом!»

И осторожно — осторо-о-ожно, медленно-медленно начала втягивать воздух носом!

Раз, два, три — вдох! Раз, два, три — выдох!
Еще раз, еще раз, еще...

Вот так! Вот так...

«Молодец! А ты испугалась! — похвалила себя она, отчего снова захотелось плакать. — Нельзя, Дашенька! Дыши, дыши!»

Почувствовав, что жизнь осторожно вернулась, слабенько пока совсем, еле-еле, но все же, и похвалила, и подбодрила себя она:

«Дыши, дыши, Дашка! Власов меня вытащит! И вытащит, и спасет! Уже спас! — И пропустила последнюю предательскую мысль: — От всего!»

И быстро-быстро заморгала, загоня смертельно опасные, в самом что ни на есть прямом смысле, слезы назад.

Засунув руки в карманы брюк, Власов смотрел на удаляющийся по дороге автобус, увозивший Дарью Васнецову.

«Да ладно, Даш, не решила ты ничего, — скептически хмыкнул он про себя, — все ты знаешь теперь и все ты решила!»

Он улыбался, чувствуя еще тлеющее тепло в груди и на губах от ее последнего, бесшабашного, сумасшедшего поцелуя.

— Игорь Николаевич, — выдернул его из теплой неги голос Марии Семеновны. — Я хотела еще раз поблагодарить вас! Мы все вам так бла-

годарны! Дети в полном восторге! Впрочем, что я говорю, вы сами прекрасно видите. Вон, машут до сих пор!

Власов нехотя оторвался от смакования внутренней радости и теплоты под созерцание удаляющегося автобуса, перевел взгляд на директрису, с нее на детей, которых пытались отвлечь от активного махания вслед уезжающей машине воспитательницы, и снова посмотрел на стоящую рядом женщину:

— Не за что, Мария Семеновна. Замечательно, что у детей удался праздник. Я и сам получил огромное удовольствие... — Засим господин Власов замолчал, сообразив, как именно можно трактовать, что именно он получил, но сумел-таки замаскировать заминку, добавив конкретики своему высказыванию: — От представления.

Вряд ли, даже обладая весьма красочным воображением и определенным жизненным опытом, директор детского дома могла представить, какое именно удовольствие получил господин Власов.

Хотя...

Их утреннее совместное появление с Дарьей и ее жаркий, совершенно улетный поцелуй оставляли мало вариантов для толкования. Впрочем, чье бы то ни было мнение Власова волновало меньше всего, особенно в их с Дарьей случае. Но от одной этой словесной заминки у него пробежала горячая волна по по-

звончнику, ударив еще не остывшими воспоминаниями в положенных местах.

— Вам тоже спасибо, Мария Семеновна, — поспешил соблюсти реверансы он, отвлекая себя от не совсем уместных в данном разговоре ощущений. — За прекрасную организацию принимающей стороны.

— Это наша работа! — радостно ответила директриса.

Но Власов уже не слушал, кивнул и отвернулся, вновь посмотрев на уменьшающийся автобусик. Можно было так стоять и смотреть, пока он не превратится в точку на горизонте, на прямой, как стрелка вектора, дороге и думать свое, но его уже отвлекли и мешали детский гомон и голоса воспитателей, утихомиривавших возбужденных ребятешек.

Игорь уже разворачивался, чтобы идти к своему джипу, припаркованному у ворот лагеря, но все поглядывал на дорогу.

Автобус отъехал где-то с полкилометра и приближался к перекрестку. Вот, пропуская автобус, подъехал к перекрестку и встал старенький синий «жигуль».

Власов уже шел к воротам и отворачивал голову, когда вдруг заметил что-то непонятное, настораживающее там, на проселочной дороге, за «жигулем». Игорь остановился, взгляделся и увидел несущийся на огромной скорости «КамАЗ».

«Козел! — ругнулся про себя Игорь. — Вот узнаю, что за лихач хренов, урою!»